

Василий Карасев

Сова и жаворонок

Любовно-фантастическая повесть

Василий Карасев
**Сова и жаворонок. Любовно-
фантастическая повесть**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390910
ISBN 9785448530562*

Аннотация

Время не есть река, время есть пашня. Оно подобно большому полю, поделенному на части. Переходя между, человек забывает все, что было с ним прежде и все, что случится с ним в будущем. Ибо будущее уже было, а прошлое еще не случилось.

Содержание

Маленький пролог	5
Обычное утро	7
Необычное утро	12
[Из записной книжки Анатолия]	16
Страсть истинного коллекционера	18
Устанавливать!	20
Странные игры	23
Поезд в норе	27
Банка пива и рекламный щит	33
Утренний горячий кофе	39
Неожиданный посетитель	44
[Из записной книжки Анатолия]	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сова и жаворонок Любовно- фантастическая повесть

Василий Карасев

© Василий Карасев, 2017

ISBN 978-5-4485-3056-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленький пролог

Книга была старая, изданная еще на заре книгопечатания. Переплет потемнел от времени, буквы на обложке совсем стерлись. А корешок и вовсе не имел тиснения, ведь первоначально он считался тыльной стороной, и книги ставились на полку корешком к стене. В те далекие времена печатники и переплетчики были двумя разными цехами. Заказчик получал у печатника кипу пахнувших свежей краской листов и нес переплетчику, заодно и сам переплет выбирал согласно собственному вкусу и толщине кошелька. На этот денег явно пожалели...

Но внутри бумага почти не пожелтела. И крупные силуэты букв по-прежнему грозно нависали над абзацами, сгоняйки буквы в слова и предложения. Чья-то рука – крупная, мужская – вела пальцем вдоль строки, и тихий голос медленно по слогам разбирал старинные письма:

«Судьбою правит Случай. Но человек слишком слеп, чтобы его предсказать и слишком слаб, чтобы с ним справиться»

К неспешному речитативу голоса добавился тонкий комариный писк.

«Ему не дано постичь язык Солнца, как не дано комару предсказать свою смерть»

Маленький длинноносый комарик приземлился на раскрытую страницу книги – в самое начало строки – разочаро-

ванно потыкал хоботком в букву «Аз» и уже собирался взлететь, как руки читающего резко захлопнули книгу. А когда раскрыли ее обратно, одним маленьким длинноносым комариком стало меньше.

«Время не есть река, время есть пашня. Оно подобно большому полю, поделенному на части. Переходя межу, человек забывает все, что было с ним прежде и все, что случится с ним в будущем. Ибо будущее уже было, а прошлое еще не случилось...»

– А прошло еще не случилось, – прочитал голос и задумчиво повторил, – прошлое не случилось...

Обычное утро

Нет ничего проще, чем напугать муху. Особенно муху, зачем-то севшую на будильник, который вот—вот взорвется своей противной утренней трелью. Хотя почему «трелью»? Что он соловей что ли? Старый, ободранный, дребезжащий.... Ну вот зазвонил! В шесть утра! В субботу! Муха от неожиданности даже подпрыгнула. Или мухи не умеют прыгать? Значит, это была первая муха, научившаяся прыжкам. И тут же в окне появился маленький смешливый солнечный зайчик. Появился и забегал по комнате, с любопытством изучая, как живут молодые красивые девушки в 21 веке. Да—да. Вот, кстати, и сама девушка: приоткрыла глаза, пытаясь разглядеть эту безразмерную сволочь, которая все трезвонит и трезвонит. Но трудно что-то увидеть, если еще не проснулся. А солнечный зайчик все прыгал и прыгал по комнате: с чашечки недопитого кофе на пыльный экран монитора, затем на большие красочные фотографии на стенах. Природа, животные, горы, люди в желтых спасжилетах, сплавляющиеся по горной речке. Хорошие фотографии, ничего не скажешь. Как картины! Да что там – лучше картин. Особенно тех, что современные художники рисуют. А вот лимон в кадке не полила. Непорядок это!

Глаза девушки, наконец, сумели разглядеть будильник, и она, что-то неразборчиво бормоча, нажала на большую бе-

люю кнопку. Звонок смолк, и наступила желанная тишина. Лишь далеко на кухне неисправный кран тихо жаловался на судьбу, роняя в большую нержавеющую мойку свои прозрачные холодные слезы. Но эта спасительная тишина длилась лишь несколько мгновений. Собравшись с силами, будильник зазвенел еще более пронзительно, словно хотел разбудить не только Алену – так звали его молодую хозяйку – но и весь девятиэтажный панельный дом на окраине города.

На этот раз бормотание девушки было более разборчивым.

– Выброшу... Сегодня же выброшу.... На свалку... Отвезу и закопаю...

Белая кнопка была нажата еще раз, но тишина не наступила. То есть будильник-то замолчал, даже замолк, словно оскорбился в своих лучших чувствах. Зато соседи сверху – и что им не спится в такое время! – врубили свой новый музыкальный центр на полную катушку.

– И я спою те этот гангстер—рэп,
и я спою те этот гангстер—рэп
возле дома твоего...

– Ну пожалуйста!! Хотя бы в субботу! – голос Алены был настолько жалобным, что случилось невероятное – музыка оборвалась.

– Спасибо...

Но спасибо оказалось преждевременным. Нет, музыка не заиграла вновь. Зато на лестничной площадке разда-

лась возмущенная перебранка, а затем – буквально через несколько минут – резкий настойчивый звонок в дверь. Алена зарылась с головой в подушку, но звонок не смолкал, требовал: открой, открой! Скинув легкую простыню — даже утро не спасало город от свалившейся 30—градусной жары – девушка села на диване и потерла глаза.

– Кого там черт принес... – она накинула халат и направилась к входной двери.

Оказалось, что черт принес Розу Львовну с шестого этажа. Причем самого черта видно не было. Наверное, успел смыться.

Роза Львовна, женщина перед юбилеем, то есть совсем чуть—чуть не дотянувшая до пятидесяти, была страстно влюблена. В СССР. Все советское у нее вызывало неподдельное умиление и даже восторг. Будучи женщиной активной, она уже лет двадцать бесценно занимала важный пост старшей по подъезду, чем невероятно гордилась. Впрочем, Роза Львовна не была чужда и новых веяний: современной косметики, обильной украшавшей ее лицо, ярких тряпок, купленных на распродажах и стремления вернуть в свою речь словечко «помоднее». Смысл «помоднячих слов», однако, понимался ею весьма приблизительно. Примером тому служило имя ее маленькой тонконогой шавки, не понятно по каким признакам относимой к роду собак. Шавку звучно звали Бройлером – Розе Львовне это слово казалось ужасно романтическим.

Не смотря на столь ранний час, а может именно благодаря ему – Бройлер требовал прогулки – реакция старшей по подъезду на вопиющий факт музыкального нарушения тишины и порядка была быстрой и решительной. Она не только устроила громкое выяснение отношений, но и приступила к сбору подписей под обращением не то в домоуправление, не то в органы правопорядка – Роза Львовна сама еще не знала где пригодится ей столь важный документ.

– Вас тоже разбудили эти негодяи? – громким голосом возмутилась она, увидев заспанную Алену. – Нет, какая все —таки наглость! Какое индафу... индифу... индифурентное отношение к окружающим! Нет, в СССР такого никогда не было! Никогда! Весь дом поднять на ноги в шесть утра! Кончилось наше терпение! Вот подпишите!

Листок бумаги послушно скользнул в руки Алены, словно был предметом одушевленным и более того, сам страстно ненавидел нарушителей утренней тишины. А Роза Львовна уже звонила в соседнюю квартиру, ни на минуту не прекращая свой монолог:

– Как же вы выглядите ужасно, Алена! Опять всю ночь за книжками просидели? Бросьте, бросьте вы эти ужасные книги! Все равно уже никто не напишет, как Александр Сергеевич Лермонтов! Приходите ко мне вечером, у меня есть замечательное средство для усталой кожи. Нет, ну это же нужно! Перебудить весь дом! Петровы! Петровы, хватит спать! Срочно подпишитесь, что вас разбудили!

Небрежно поставив свою подпись – даже не подпись, а какую-то полусонную закорючку, Алена с облегчением захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Солнечный зайчик вынырнул откуда-то из-под коробки дверного звонка и заиграл в ее волосах. И тут же Алена окончательно проснулась.

– Господи! Уже седьмой час! Меня же сегодня Варька с утра ждет!

Солнечный зайчик весело хихикнул, но так тихо, что его никто не услышал... А затем пробежался от двери на кухню и исчез за окном.

Необычное утро

Нет более глубокой пропасти, чем пропасть между совами и жаворонками. Совы – дети заката, они ненавидят утро. Даже теплое летнее утро, когда солнечные зайчики через толстые стекла окон заглядывают к ним в дом, чтобы пожелать Доброго дня. Крепкий утренний сон для совы важнее, чем назойливый кусочек солнца... Время сов начинается после полудня. Именно они придумали уличные фонари, философию и романтический ужин при свечах. Жаворонки – дети рассвета. Несмотря на ранний час, жаворонок уже давно встал, умылся, надел тренировочный костюм и совершает ежедневную утреннюю пробежку. Ведь это он выдумал утреннюю гимнастику, контрастный душ и бег трусцой.

Молодой человек двадцати семи лет был типичным жаворонком. Сейчас он завершал свою ежедневную пробежку, осталось лишь свернуть за угол да пробежать мимо хлебного магазина, затем под арку длинного панельного дома, прозванного в народе «китайской стеной», через небольшой уютный дворик – и вот он уже дома. Солнечный зайчик, вылетевший из окна Алены, попал под ноги бегущему, испуганно шарахнулся в сторону, но затем приспособился и стал весело скакать впереди, уворачиваясь от кроссовок. Так они и добежали вместе – человек и солнечный зайчик – до подъезда, затем на второй этаж, открыть дверь, войти в прихо-

жую... А вот дальше их пути разошлись. Человек, тихонько насвистывая, двинулся принимать душ, а солнечный зайчик предпочел прогулку по квартире. Очень любопытное оказалось путешествие! Вместо фотографий – огромная, на всю стену таблица с заголовком «Почасовой план работы и отдыха на 200...год» На книжных стеллажах аккуратные закладки по темам книг. К кадке лимона у окна приклеен яркий стикер: «Поливать вторник, четверг, суббота. Подкормка удобрениями раз в неделю». Между кадкой и диваном маленькая табуретка с надписью «Место для тапочек (ночь)». А на клавише компьютера «список сайтов для просмотра в субботу». М—да, а господин молодой человек кажется зануда, однако...

Анатолий – так звали предполагаемого зануду – вышел из душа, вытирая голову полотенцем, и тут же заиграла мелодия звонка на мобильнике.

– Слушаю, – голос у Анатолия оказался неожиданно мягким. Но, впрочем, ненадолго. Уже через несколько секунд в нем звучало неподдельное возмущение. – Что значит уехал? В какую Вологду? Мы же с ним обо всем договорились! Кто мне фоторепортаж делать будет?! Что он забыл в этой Вологде?? Нет, ну это не серьезно! Какая девушка, дьявол его побери?! Какая может быть девушка в Вологде?!

Полотенце полетело обратно в ванную, а Анатолий продолжал возмущаться:

– Да нету в городе Макрушина, нету! Он в отпуске на Ал-

тае. Какие-то пещеры фотографирует! И Егорова в городе нету! Его какой-то саудовский шейх берет с собой в космос! Да, на МКС летит, кучу баксов выложил! Да не Егоров выложил! Шейх! Да откуда я знаю, где он с этим ненормальным шейхом познакомился! Говорит, что на зимней рыбалке!

Водворив брошенное полотенце на положенное ему место, Анатолий зашел на кухню, открыл холодильник, достал два куриных яйца, поставил на плиту сковороду и принялся готовить омлет. Тут же на кухне возник еще один житель этой необычной квартиры. Житель зевнул, потянулся и громко мяукнул. Познакомьтесь: сиамский кот по имени Максимилиан, или сокращенно Макс. Максимилиан посмотрел на Анатолия, потерся о его ногу, а затем важно прошествовал в самый угол к личной пластмассовой миске и странному механическому устройству над ней. Недовольно покосился на солнечного зайчика, стремительно пролетевшего мимо к окну, а затем устался в ожидании на часы. Часы показывали 6.08. А надпись на аккуратном клочке бумаги, приклеенная к странному устройству гласила «Суббота. Завтрак 6.10» Устройство представляло собой металлический ящик, нависавший над миской: нажимаешь педаль – открывается дно и в миску шлепается долгожданная еда.

– Маргарита Петровна?! – продолжал кричать в трубку Анатолий. – Побойся Бога! Ей в прошлом месяце 70 стукнуло, я же ее до зоопарка не доведу! Она от одного вида павиана в ящик сыграет! Маргарита Петровна...

Анатолий случайно коснулся раскаленной сковороды и обжег палец.

– ... зараза такая! Да нет, я не о ней – я о сковородке! Да ни причем тут сковородка! Обжегся я о нее! Да не о Маргариту Петровну! Маргарита Петровна – айсберг! Наверное, тот самый, на который «Титаник» напоролся!

Максимилиан попробовал нажать лапой на педаль, но обмануть хитрый механизм ему не удалось, часы показывали лишь 6.09.

– Да нет никого больше. Понимаешь: не—ту! Ни—ко—го! А мне материал на конкурс отсылать нужно! Такой шанс!

Наконец, странное человеческое изобретение сжалилось над голодным котом, и стрелка встала на нужное деление. Максимилиан тут же нажал лапой на педаль и получил увесистый кусок печени. Его хозяин выложил свой омлет на тарелку, отключил телефон и, тяжело вздохнув, взял вилку. Доели они также одновременно. После чего кот прошествовал мимо еще одного стикера с надписью «Убедительная просьба закрывать за собой дверь туалета» в этот самый туалет, а Анатолий принялся мыть посуду. Посмотрел на часы, тщательно протер тарелку, прислушался к шуму смывного бачка, проследил как кот неторопливо выходит из санузла и тут же сделал замечание:

– А дверь?! Сколько раз тебе повторять?!!

Максимилиан недовольно мяукнул, но все—таки вернулся и лапой притворил дверь....

[Из записной книжки Анатолия]

Меня всегда интересовал вопрос: почему наше настроение меняется порой безо всякой причины. Когда причина есть, это понятно. Но почему беспричинно? Разве настроение – это нечто независимое от нас? Оказалось, это действительно так! Некто (не важно каким термином его называть) направляет нас через наши настроения. Хорошее – пряник, плохое – кнут.

Но что же от нас хочет этот таинственный Некто? И как его понять?

Не претендуя на истинность, выскажу одно предположение: плохое настроение – это несделанные дела. Этот Некто – жуткий бюрократ! На каждый день он составляет нам план дел, которые необходимо выполнить. Вы замечали, что после сделанной работы, даже если она была очень тяжелой, и ты устал, как последний илот, настроение все равно хорошее? Иногда даже замечательное! И наоборот, если ты что-то не сделал, тебе в сердце вонзается тонкая ноющая иголка и мешает спокойно пить пиво, кушать вяленую корюшку и смотреть канал Animal Planet? Это он, бяка этакая, не дает нам спокойно наслаждаться жизнью...

Как человек недоверчивый, я долго и терпеливо проверял эту мысль на практике. И оказалось – да! Как только беспричинно возникает плохое настроение, надо срочно подумать:

какое такое дело я не сделал сегодня? Или даже вчера? Или в начале года? И тут же приниматься за работу. Все равно этот Некто ни за что не отстанет... Зато от плохого настроения не останется и следа.]

Страсть истинного коллекционера

Дверь подъезда резко распахнулась, и на пороге показался Анатолий в белоснежной рубашке, отутюженных брюках и модным вместительным кейсом в руке. Удостоверился, что солнце по-прежнему на месте, окинул внимательным взглядом двор и чуть улыбнулся, увидев соседа, согнувшегося под капотом старой «Волги» ГАЗ—21. Шагнул навстречу, отпустив громко хлопнувшую за спиной дверь:

– Добрый день, Вилен Валентинович!

Вилен Валентинович, мужчина чуть за пятьдесят, был страстным киноманом. Вся его квартира за номером 54 (кстати, не поленитесь – запомните, еще пригодится) утопала в киноафишах, постерах актеров и актрис и толстенных кинематографических энциклопедиях. Но подлинным шедевром этого самодельного музея кино была коллекция вещей, когда—либо заснятых в отечественных и мировых шедеврах.

Перепахканная физиономия Вилена Валентиновича показалась из-под капота и расплылась в широкой улыбке:

– Здравствуйте, Анатолий!

Анатолий критически посмотрел на старенький автомобиль.

– У вас же вроде «копейка» была? – полюбопытствовал он.

– Поменялся! – радостно сообщил Вилен Валентинович. – Очень удачный обмен! Вы не поверите – это та самая «Волга», которую Смоктуновский угнал у Миронова в «Берегись автомобиля»!

– Вилен Валентинович! Про свою «копейку» вы говорили тоже самое! Мол, именно на ней Яковлев к Барбаре Брыльской в «Иронии судьбы» приезжал. А оказалось, что с ближайшего разбора и принадлежала спившемуся сантехнику из соседнего ЖЭУ.

Но Вилен Валентинович лишь отмахнулся от такого вопиющего заявления:

– Ну что вы, Толя! На этот раз никакой ошибки! Видите вмятина на заднем крыле? Это случилось, когда снимали третий дубль и случайно въехали в сигаретный киоск... там еще сигареты «Друг» продавали...

Но Анатолию уже все было ясно.

– Извините, Вилен Валентинович, спешу! – молодой человек показал на часы, и, отвернувшись, торопливо зашагал в направлении ближайшей станции метро. Поэтому и не обратил внимания, что в открытом окне второго этажа выставлен большой лист картона, на котором крупными корявыми буквами написано «Не забудь купить рыбы!». И своего кота Максимилиана рядом с листом не заметил. Сильный порыв ветра, неизвестно откуда прилетевшего в эдакую жару, подхватил картонку, закружил ее и, не выдержав тяжести, уронил на землю.

Устанавливать!

Большой лист картона, лежащий на земле, пах чем-то особенным. Незнакомым, но приятным. Да и вообще казался местом вполне приличным для совершения нехитрого собачьего дела.

– Бройлер, фу! Фу, я сказала!

Бройлер с неудовольствием оглянулся на хозяйку: вечно она не вовремя! Но спорить не стал, отошел в сторонку. Тут как раз палочка удобная в землю воткнута. С нее эту картонку ветер, видимо, и сорвал. А что, кстати, вполне так ничего палочка. Удобная.

– Бройлер! Да что же это такое!

Роза Львовна величественно подошла к собаке и накинула на нее поводок. Остановилась, задумавшись... Подняла картонку, поставила рядом со столбиком. Неожиданно спохватилась, будто что-то припомнив. Вытащила из кармана очки и листок бумаги с подписями жильцов, стала внимательно изучать. А Бройлер, наконец, исхитрился поднять ногу. Хорошо получилось: и картонка, и столбик одновременно. На картонке, кстати, что-то написано, жаль, что он читать не умеет. Да это и к лучшему, зачем бедной маленькой собачке знать, что «Выгул собак запрещен. Штраф 200 руб.».

– А Потаповы-то так и не подписали! – сообщила псу Роза Львовна. – Какая все—таки несознательность!

– Тяв!

– Совершенно возмутительно! Антиобщественный индидна... индифферентный поступок! Алена, вы представляете, Потаповы игнорировали общественный самосуд!

Вышедшая из подъезда Алена, услышав голос Розы Львовны, невольно споткнулась на ровном месте и, не удержавшись, чертыхнулась:

– Чёрт! Ну что за паршивое утро!

– Что вы сказали, Алена? – недослышала Роза Львовна

– Я спрашиваю... э... сколько подписей собрали?

– Подписей достаточно! Из нашего подъезда лишь Потаповы так и не проснулись! Ну мы им это припомним! Ох, припомним! В СССР, Алена, не было такого безобразия! Чтобы все подписались, а Потаповы – нет! Сусликов! А ну —ка стой! Деньги на домофон кто за тебя сдавать будет?

Субтильный мужичок лет сорока, в выцветшей бейсболке московского «Спартака» и сандалиях на босу ногу испуганно замер у дверей подъезда. Больше всего на свете Сусликов боялся милиционеров и женщин. А уж Розу Львовну, в молодости пару лет проработавшую в детской комнате милиции, страшился больше, чем кого—либо. Он даже в окно всегда выглядывал, прежде чем выйти из подъезда. И тут на тебе! Проморгал, как есть проморгал. Мужичок вытащил из заднего кармана несколько мятых купюр и обречено побрел к Розе Львовне.

– Сегодня устанавлиВАТЬ будут! – сообщила она, тщательно

пересчитывая деньги.

– УстанавлиВАТЬ, – решил поправить ее Сусликов.

Роза Львовна грозно посмотрела на него и уверенно заявила:

– Молодой человек! Это раньше двери устанавлиВАЛИ, а теперь устанавлиАЮТ!

Странные игры

Странные времена, однако, наступили на Земле. Начать с того, что мой вполне приличный наряд – светлая фетровая шляпа, серые в крупную полоску брюки и вполне добротная домотканная косоворотка вызывали здесь ироничные улыбки и даже смешки. Ну, положим, с ручной кладью я перестарался – фанерные вместительные чемоданы здесь были явно не в моде. Но что смешного в брюках на подтяжках?! Ума не приложу. Лучшие бы на себя посмотрели! Своих жещин и то не могут одеть как следует, так и норовят на величине наряда сэкономить. Скупердяи! Две узких полоски ткани вокруг груди и бедер здесь считаются достойным нарядом. Тьфу! А сережки почему-то носят в пупке, а не в ухе. Правда, кое—что мне понравилось. Например, поезда, загнанные в подземные норы. Они называют это метрополитеном и украшают входы в них большой красной буквой «М». Вот возле одной из таких букв я сейчас и стоял...

Банкомат у метро – место популярное. Да и вообще штука удобная. Подошел, вставил карточку, получил деньги. Кто-то делает это быстро, автоматически: шлеп—шлеп по клавишам, и энное количество купюр исчезает в кармане. Вон студент какой-то – подбежал, скоренько набрал пин—код, выдернул несколько сторублевков и побежал дальше. А кто-

то совершает сие действие обстоятельно и неторопливо, сверяясь с записью на бумажке и подолгу раздумывая над каждым действием. Например, мамаша с коляской, что подошла вслед за студентом. Или бабулька с палочкой, нервно оглядывающаяся по сторонам. Боится, видимо, что каверзная банковская техника обязательно обманет. А то и кто-нибудь отберет ненароком. Она ж не милиционер, что спокойно стоит вслед за ней. Вытащил пистолет из кобуры, снял с предохранителя – попробуй отбери кровные.

Подошедший к банкомату Анатолий явно принадлежал к первому типу: торопливо постукал по клавишам, сложил в модный кожаный бумажник деньги и двинулся мимо странно одетого господина с фанерным чемоданом к спуску в метро.

А вот Алена, появившаяся спустя несколько мгновений только пин—код набирала раза три, все путаясь в цифрах и не решаясь нажать на заветную клавишу «Ввод». За ней даже небольшая очередь образовалась, нетерпеливо посматривающая на часы. Алена, наконец, справилась с банкоматом, спрятала в сумочку деньги и уже было направилась в метро, как ее, смущенно кашлянув в кулак, остановил господин с фанерным чемоданом.

– Э... Барышня!

– Я вас слушаю!

Станный господин немного помялся, переступая с ноги на ногу, и спросил:

– Не пойму я никак... Ну не может же так случай выпасть, чтоб всем везло?..

– Простите, вы о чем? – Алена демонстративно посмотрела на часы: опаздываю, мол.

– Да смотрю вот.... Как вы в него играете, что все выигрываете?! Да даже старые бабки и эти... милиционеры!

«Сумасшедший что ли», – мелькнуло в голове у девушки, но вслух она лишь удивленно спросила:

– Во что играем?!

Странный господин оторвал руку от ручки своего музейного чемодана и указал на банкомат:

– Ну вон... в казино уличное! Вот.

«Нет, не сумасшедший, – сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, решила Алена, – просто дурак». Все—таки не выдержала, издала короткий смешок, но взяла себя в руки и, чуть передразнивая собеседника – так, самую малость – произнесла, растягивая слова:

– Так эта... удачливые мы все! Вот!

А затем повернулась и, весело улыбаясь, сбежала по ступенькам в метро. Не замечая каким странным взглядом смотрит на нее господин с фанерным чемоданом. И как на стеклах его очков появляется солнечный зайчик, спрыгивает на землю и спешит вслед за ней.

Девушка исчезла, оставив чуть уловимый аромат духов, а мимо меня прошел какой-то бедняга в рваных синих штанах.

нах с музыкальной шкатулкой на плече. Прорехи на штанах, казалось, совсем не вызывали удивления у прохожих. Нет, вы только представьте! Ладная добротная косоворотка и фанерный чемодан вызывают у них хохот, а рваные штаны в порядке вещей! И то, что из шкатулки на полную мощь несется какая-то странная песня – тоже ничего, да?

Поезд в норе

Я ищу где-то там вдалеке
свое счастье – синицу в руке.
А оно от меня в двух шагах,
мое счастье – журавль в небесах.

Не в далеких чужих городах,
не в красивых заморских краях,
через парк, через улицу дом:
мое счастье живет за углом.

Песенка была так себе, обычный попсовый шлягер с обычным набором слов о любви, исполняемый дуэтом каких-то новомодных эстрадных звездочек. Но Анатолий, только что миновавший турникет, оглянулся. Посмотрел на парня с орущим магнитофоном, поморщился – вроде бы в метро нельзя, а этому хоть бы хны – и направился к эскалатору. Если бы он задержал взгляд чуть дольше, то увидел бы Алену, спешащую к кассе. Впрочем, если бы у нее был проездной, как у Анатолия, то она скорее всего догнала бы его на эскалаторе, а не стояла сейчас, роясь в сумочке в поисках мелочи.

За углом, за углом, за углом

чей-то дом, старый дом, нужный дом,
в нем грустит среди белого дня
ТА, что ищет по свету меня.
За углом, за углом, за углом,
чей-то дом, старый дом, нужный дом,
в нем тоскует средь белого дня
ТОТ, что ищет по свету меня.

Станция метро и перрон вокзала словно лошадь и верблюд. Вроде похожи, но до чего разные! И там, и там люди ждут поезда, но нет в метро той солидности и основательности, что отличается железнодорожный перрон. Никто не встречает приезжающих. Никто не объявляет нумерацию вагонов с хвоста поезда. Кстати, почему с хвоста и головы?? Почему не с начала и конца? Не видно и провожающих, смахивающих платочком слезу и заходящих в вагон лично удостовериться на каких местах отъезжают их родственники и друзья. Суетливо как-то в метро. Зашел – уехал.

Спустившись с эскалатора Анатолий отсчитал ровно тридцать шесть шагов... Нет, лучше тридцать пять, решил он и сделал шаг назад. В левую дверь второго вагона заходить удобнее – никто не перехватит боковых мест. Хотя какие сейчас боковые места, наверняка все занято дачниками, спешащими в раннее субботнее утро на свои участки. Вот как эта бабулька, которая своей груженной тележкой чуть не наехала ему на ногу.

Запыхавшаяся Алена вбежала на перрон, покрутила головой, определяя в какую сторону ехать, сделала несколько шагов, затем передумала и повернула к противоположной платформе. Оглянувшись, направилась в сторону Анатолия и уже почти встала рядом, как неожиданно колесо тяжелой тележки больно проехала по ноге. Это дачница—бабулька, лавируя между стоящими людьми, все пыталась найти подходящее место для остановки.

Алена гневно посмотрела в ее сторону и уже приоткрыла рот, чтобы высказать все, что думает о тележках и огородах, но тут послышался шум подъезжающего поезда, и толпа буквально внесла ее в вагон.

Ходим мы по дорогам одним:
он за мной, а я следом за ним.
От судьбы ждем таинственный знак
и не встретимся вместе никак

И доверившись чьим-то глазам,
покидаем мы их по утрам.
Снова ищем, мечтаем и ждем,
а любовь встретит нас за углом...

В вагоне было тесно. От людей и их сумок, запахов и разговоров, от темноты подземелья за окнами... Анатолий все же занял вполне комфортное место у самых дверей, до-

стал из кейса журнал и углубился в просмотр фотографий. Вот эти снимки классные, кстати! Не постановочные, случайные, но просто здорово! Уметь на лету схватить улетающий момент и поделиться им с окружающими... Талант! Откуда здесь солнечный зайчик? В метро! Ах, от чьих-то часов отсвечивает. Брысь, читать мешаешь!

Зайчик послушно исчез со страницы журнала, тем более, что он уже видел эти снимки. На стене комнаты девушки. Исчез и тут же появился на странице другого журнала – в руках Алены. Она тоже пристроилась у дверей – через проход от Анатолия – и листала красочный журнал о природе. Остановилась на статье про деревенскую свинью, прочитала несколько абзацев и увлеклась настолько, что забыла и про толпу, и про то, что едет в метро, и даже про предстоящую встречу с сестрой Варварой. Собственно это была даже не статья, а интервью. Интервью со свиньей! Необычный авторский ход... а кто у нас автор? Анатолий... странно, фамилия не указана... очень удачным оказался этот авторский ход. Одновременно, и познавательный, и забавный – в этот материал бы еще хорошее фото...

Двери вагона открылись, и новые пассажиры стали теснить Алену от двери внутрь прохода. А она продолжала с интересом читать статью. Солнечный зайчик увернулся от переворачивающейся страницы, взлетел к потолку и стал свидетелем любопытной сценки: двое молодых людей – Алена и Анатолий – теснимые толпой оказались практически ря-

дом, спиной к спине. Отпустили поручни, чтобы перелистнуть страничку, и тут же от резкого толчка, выронили журналы на пол. Попытались поднять их, но в переплетении сумок и ног это было нелегко. Заметив, как их руки на мгновение встретились, солнечный зайчик лукаво улыбнулся и ... исчез.

Алена и Анатолий подобрали свои журналы... да нет, не свои – чужие!... свернув трубочкой, положили их – Алена в сумочку, Анатолий в кейс – а затем стали проталкиваться к выходу. Одновременно вышли из соседних дверей вагона и разошлись в разные стороны.

За углом, за углом, за углом
чей-то дом, старый дом, нужный дом,
в нем грустит среди белого дня
ТА, что ищет по свету меня.
За углом, за углом, за углом,
чей-то дом, старый дом, нужный дом,
в нем тоскует средь белого дня
ТОТ, что ищет по свету меня.

А парень в рваных джинсах с магнитофоном на плече, тоже сошел вслед за ними. Взглянул на часы, остановился в центре станции, запустил песню по новой и стал ждать по-другому, рассматривая рекламный плакат на стене: улетающие в небо дома и оптимистический слоган строительной фир-

мы: «Живите вечно – мы строим на века!».

Банка пива и рекламный щит

«Живите вечно – мы строим на века!». Рекламный щит на аллее парка угрожающе нависал над нищим. Нищий был немолод и совершенно трезв. В тени щита он укрывался от лучей уже проснувшегося жаркого солнца, равнодушно глядя на редких утренних прохожих. Кепка брошена у ног, несколько монет брошено в кепку – можно мирно дремать в ожидании пока Судьба вычеркнет еще один скучный день из неудавшейся жизни. Стихи что ли написать? Да нет, какие стихи... Лет десять уже ничего не сочинял.

А какая все—таки тишина! Совсем рядом на открытой летней эстраде, толпятся сонные детишки в одинаковых костюмах зайцев, собранные на репетицию танцевального ансамбля. Да здоровенный бугай сидит на скамейке с банкой пива в руках. Отпивает мелкими глоточками и читает какой-то журнал. А что любитель почитать и не скажешь. Может, ждет кого? Ну точно! Девушку! Рыжая копна волос появившейся девушки возмущенно взметнулась вверх, а указательный палец уперся чуть ли не в переносицу бугая:

– Булкин! Я тебя сразу предупреждаю. Я пришла с тобой не говорить, я пришла с тобой выговориться! Да—да, выговориться! Ты мне уже вот где! – девушка провела рукой по горлу, отобрала банку пива и сделала большой жадный глоток. – Если у тебя очередная авантюра на уме – знай, я –

против! Ты всем, Булкин, абсолютно всем приносишь одни неприятности!

Бугай Булкин нерешительно протянул руку, чтобы забрать пиво, но, наткнувшись на взгляд Рыжей, тут же ее отдернул:

– Лида...

– Помнишь, в восьмом классе ты уговорил меня позвонить в милицию и сообщить, что в школе заложена бомба? – заметив протянутую руку Булкина, девушка отпила еще глоток, хотела вернуть банку пива...

«А нам все равно!

А нам все равно!

Хоть боимся мы волка и сову!» —

голос Юрия Никулина, усиленный мощным динамиком, загремел на весь парк, а детишки на эстраде закружились в танце, вяло изображая испуганных зайцев. Нищий слегка поморщился и неприязненно посмотрел на нарушителей тишины. И музыка сразу же оборвалась.

– Это была случайность! Просто случайность! – громко заявил в наступившей тишине Булкин.

– Это не случайность, Булкин! – Рыжая Лида бросила взгляд на маленьких зайцев на эстраде и снова повернулась к собеседнику. – Помнишь, в одиннадцатом классе ты принес экзаменационные ответы по английскому? И уговорил меня продать их в параллельном классе? А потом оказалось, что это вовсе не ответы – ты взял и переписал пару статей

из «Плейбоя»! Я сама по ним, между прочим, сдавала! Дура! До сих пор помню, как лицо нашей англичанки вытянулось!

«А нам все равно!

А нам все равно!

Хоть боимся мы волка и сову!»

Зайцы снова сонно задвигались по выцветшему полукругу деревянной эстрады, а Булкин и Лида принялись отчаянно жестикулировать, что-то доказывая друг другу. Но и на этот раз «недолго музыка играла».

– А как мы с тобой пытались продать партию воздушных шариков вместо... вместо... Новинка рынка! – передразнивая голос Булкина продолжала возмущаться Лида, – Презервативы с завязочками! Помнишь?

– Лида, ну при чем тут это?! – схватив журнал, Булкин попытался найти нужную страницу, чтобы поведать о новом гениальном плане.

– Так вот, Булкин! Ни за что! Ни при каких обстоятельствах! Ни единому твоему слову! Все! Прощай! – залпом допив пиво, но по-прежнему держа баночку в руке, Рыжая резко развернулась и направилась к выходу из парка.

– 10 тысяч баксов и поездка в Новую Зеландию! – отчаянно крикнул ей в спину Булкин.

Столь аппетитная сумма свое действие возымела: шаги девушки замедлились, а затем и вовсе остановились. Лида повертела в руках пустую банку, аккуратно поставила ее на асфальт и повернулась у Булкину.

– Что ты сказал?

«А нам все равно!

А нам все равно!

Хоть боимся мы волка и сову!»

Лида вернулась к скамейке, но садиться не стала, просто молча остановилась рядом, поджала уголки губ и в упор посмотрела на Булкина. Поднялся он. Размашисто жестикулируя, стал что-то доказывать девушке, листая журнал и показывая указательным пальцем куда-то в бок. Видимо, в сторону Новой Зеландии. Недоверчивая Лида язвительно задала несколько вопросов, но лицо ее постепенно теряло недоверчивый вид, становясь все более и более заинтересованным. Зайцы на сцене почти проснулись, их руководитель – сухонькая дама в очках и спортивном костюме даже пару раз похлопала в ладоши, но тут музыка снова оборвалась.

– С тобой даже музыка рядом не играет! – это был последний аргумент Лиды.

Булкин улыбнулся, развел руками:

– Ну, Лида! Ну что за глупости! Ну, причем тут я?! Это верное дело. Я же тебе говорю: какой-то ихний Фонд объявил в нашем журнале конкурс на лучший репортаж о зоопарке родного города. Всего-то нужна статья и фотки. Мы ничем не рискуем. Понимаешь, ничем!! Никуда никаких денег вкладывать не нужно. Приз десять тысяч баксов и контракт на серию репортажей о природе Новой Зеландии. Не, ну ты ж не была в Новой Зеландии, нет?

– Я и в старой не была! – огрызнулась девушка. – И в Зеландии среднего возраста тоже не была. Я вообще дальше конечной метро никуда не езжу... Ну хорошо, сходим мы с тобой в зоопарк, сфотаем пару зверюшек на мыльницу, ты напишешь статью с парой ошибок в каждом предложении, но почему ты уверен, что нам приз дадут?!!

– Во—от! В этом-то весь и вопрос! – Булкин принял эффектную позу и поднял вверх указательный палец. – Делом должны заниматься профессионалы! Поэтому ты сейчас идешь на деловую встречу с акулой, – тут Булкин сделал паузу, достойную Демосфена, ну помните тот чудак, что камни жевал, чтобы оратором стать, – пера, а я с очень хорошим фотографом! Потом они высылают нам по мылу свои..эээ... материалы... а мы отсылаем их на конкурс под нашими именами.

Все же Лида еще сомневалась:

– А авторы?!

«А нам все равно!

А нам все равно!

Хоть боимся мы волка и сову!»

Пару заснувших зайцев пришлось расталкивать их товарищам, а руководитель даже задумалась: не сделать ли это элементом танца, но затем наступила на выплунутую кем-то жвачку, и все мысли о творчестве вылетели у нее из головы. Лида и Булкин еще немного поспорили. Затем девушка снова поджала губы, взяла у Булкина какое-то удостоверение,

погрозила ему на всякий случай пальцем и, развернувшись, торопливо ушла. Булкин небрежно вырвал из журнала нужную страницу, аккуратно сложил и сунул в нагрудный карман. Затем некоторое время понаблюдал за зайцами, взглянул на часы и тоже двинулся к выходу. А музыка за его спиной тут же смолкла, даря утреннему парку несколько минут тишины. Баночка из-под пива, аккуратно поставленная Лидой на тротуар, оказалась на пути Булкина, и тот от избытка чувств радостно послал ее пинком... прямо в лоб нищему. Нищий ойкнул, удивленно посмотрел на Булкина и, морщась от боли, стал осторожно ощупывать ушибленное место. Булкин коротко хохотнул, затем состроил сочувственную физиономию и, подойдя, бросил в кепку несколько монет:

– Извини, браток! Это тебе на удачу! Раз я сказал, тебе обязательно сегодня повезет!

Повернулся и, сделав с десяток шагов, уже на самом выходе из парка, криво усмехнулся:

– Неприятности я приношу... Чушь!

Исчез, словно растаял, в воротах парка и уже не увидел, как рекламный щит «Живите вечно. Мы строим на века» неожиданно накренился. Деревянные костыли, на которых он стоял, треснули, и щит шумно рухнул, придавив своей тяжестью нищего. Кепка подпрыгнула, из нее вылетела одна из монет, поданных Булкиным, нелепо подпрыгнула в воздухе и покатилась

Утренний горячий кофе

...по барной стойке. Лениво повиляла, теряя скорость и, наконец, остановилась, ловко прихлопнутая рукою бармена. Варвара даже слегка смутилась: она вовсе не хотела изображать из себя матроса в портовом кабаке – монета выскочила из рук случайно. Но бармен и бровью не повел. Хотя вроде не портовый кабак – обычная городская кофейня. Несколько столиков, стоящих почти вплотную друг к другу и центральная улица города за окном. Хорошо, что утро: посетителей почти нет и любимый угловой столик свободен. Как забавно играет солнечный зайчик на высокой стеклянной сахарнице...

...М—да... Как, однако, изменились времена! Нет, времена-то ладно, но что сделало время с кофейнями! Не—е—ет, это не мой любимый Лондон, где в кофейне можно было неторопливо выпить чашечку ароматного кофе....господи! да они его здесь на машинах готовят!... выкурить длинную глиняную трубку, почитать бюллетень с новостями дня, посудачить о прибытии и отплытии торговых судов. В кофейню даже посылали курьеров сообщать о важнейших событиях дня. Эх, где ты 17 век, улочка Сент—Майклз Эл, что к югу от улицы Корнхил и благословенное заведение Пасхалия Роуза....

Варвара – сестра Алены – была старше ее на три с половиной года, работала в рекламной компании, обожала ездить на курорты и страстно мечтала выдать Алену замуж. Ну действительно непорядок: барышне уже... впрочем, неважно сколько... а она до сих пор еще «не вписана в социум». Занимается черт знает чем – фотограф без работы, какие-то случайные заказы. Предлагала же ей работу в своей компании – нет, не желает. Я свободный художник! Ффе... свобода это штука такая, что...

– Сестренка! – Варвара помахала рукой вбежавшей в кофейню Алене.

– Варька, у тебя стрижка новая? – спросила та, стремительно приземляясь на свободный стул. И вот так всегда: ни здравствуйте, ни до свидания!

– Мне тоже самое! – это уже бармену, выглянувшему из-за стойки.

– И как прическа? Идет? – Варвара слегка повернула голову, чтобы сестра ее лучше разглядела

– Очень! Просто здорово! Новый парикмахер?

– Да нет... тот же самый. – Варвара помешала ложечкой в чашечке остывшего кофе. – Ты представляешь, а мой Колька ничего не заметил! Я ему, конечно, высказала по этому поводу, а этот подлец только смеется! Вот, говорит, если бы ты в радикально зеленый цвет перекрасилась или налысо побрилась, тогда бы я заметил!

– Подлец! Как есть подлец! – Алена весело рассмеялась, глядя на сестру, хотела что-то добавить, но внезапно ее прервал громкий вой сирены с улицы. Женщины повернулись к окну, проводили взглядом машину скорой помощи и вернулись к разговору.

– Знаешь, у меня такое желание вчера было сильное – действительно пойти и перекраситься в ядовито—зеленый цвет! А потом посмотреть: заметит или нет.

– Варька, ты меня за этим в такую рань разбудила? Поплакаться в жилетку, что твою новую стрижку никто не замечает?

Варвара хитро посмотрела на сестру:

– Конечно! Кому же мне еще жаловаться, как не родной сестре?! И не называй меня Варькой, ты же знаешь, я этого имени терпеть не могу!

– Хорошее имя. Куда лучше, чем Бар—ба—ра! Ну да ладно, поплакалась и что? Будем обвинительный приговор Кольке сочинять?

Лицо Варвары приняло нарочито серьезное выражение:

– Обязательно! Пожизненное домашнее заключение и два часа сериала в день в обязательном порядке.

– И никакого футбола в течении месяца!... – в тон ей проговорила Алена. – Ну все—таки, зачем?

Вой сирены, смолкший было где-то в районе парка, снова ударил по перепонкам. Догоняя его, мимо окон снова пронеслась «Скорая помощь» и тут же взвизгнула тормозами

на перекрестке. Задние дверцы машины открылись, а плохо закрепленная тележка с лежащим на ней мужчиной выскочила на улицу. Но не перевернулась, а с каким-то даже изяществом приземлилась на колесики и залихватски покадилась в обратную сторону. Нищий из парка – а это был он, судорожно вцепился руками в края своего самодвижущегося ложа и неожиданно тонким фальцетом заорал:

– А—а—а—а—а! Спа—си—те—е—е—е—е!

За тележкой уже неслись низенький полноватый доктор в белом халате, нелепо размахивающий руками и пожилая медсестра с выражением сильного испуга на лице. Резиновый шнурок стетоскопа больно бил доктора по бокам, но он не замечал этого, он был похож на странного средневекового алхимика, из лаборатории которого сбежал только что созданный гомункул.

– А—а—а—а—а! Спа—си—те—е—е—е—е! – в последний раз прозвучало откуда-то из-за поворота и тут же стихло. А мимо окон, осторожно пятясь задним ходом медленно проползла машина скорой помощи...

– Ужас какой! – вздохнула Алена. – Надеюсь с ним все в порядке?!

Варвара отнеслась к происшествию более спокойно. Приняла у подошедшего бармена чашечку кофе для Алены и пирожное для себя, откусила кусочек и пробормотала с набитым ртом:

– Сейчас догонят! Так вот, слушай. Мужика я тебе нашла!

Теперь происшествие за окном перестало интересоваться и Алену. Она в упор посмотрела на сестру:

– Что? Всё, Варррь—ка! – намеренно растягивая нелюбимое сестрой имя заявила Алена. – Я даже разговаривать не буду! Поднимаюсь и ухожу. Разбудить в семь утра ради мужика!

– Да ладно тебе, – хихикнула Варррь—ка, – я тебе его для работы нашла.

– Это как?

– Ему требуется хороший фотограф. Для фоторепортажа... Ага, вот и он! – и Варвара приветливо помахала рукой вошедшему Булкину.

Неожиданный посетитель

Дел в субботу в офисе было немного – часа работы за глаза хватит. Встреч – Анатолий посмотрел в ежедневник – никаких, посетителей тоже. Впрочем, если уж висит табличка «Прием по личным вопросам каждую субботу с 7 до 10», значит, будь добр, находишься на месте. Именно из-за этой таблички, выполненной в строгом соответствии с чиновничьими канонами, в кабинет Анатолия частенько заглядывали странные личности, страждущие справедливости. Проблема была в том, что хозяин кабинета никакого отношения к чиновникам и прочим ответственным государственным служащим не имел. Он всего лишь занимался изданием крохотной газеты бесплатных объявлений. Несмотря на склонность к строгому порядку, Анатолий был личностью творческой. И сам заводить глупейший порядок приема посетителей редактором бесплатной газеты совершенно не собирался. На это электронная почта есть, если что... Табличка досталась Анатолию в наследство от предыдущего хозяина кабинета, переехавшего в новое роскошное здание поближе к мэрии. И он решил, что это Знак. Или карма. Странный временами был человек, этот Анатолий. С тех пор, каждую субботу с семи до десяти утра он проводил в своем кабинете, ожидая посетителей... Собственно, посетителей-то и не было. Зато было три великолепных часа, когда можно

заниматься творчеством, а не газетной рутиной

[Из записной книжки Анатолия]

Иногда, когда ветер дует с севера и солнце зябко ежится в моем зрачке, я задаю себе вопрос: в чем разница между красотостью и красотой? В это мгновение я чувствую ее... Но каждый раз совершаю одну и ту же ошибку, пытаюсь уцепиться в явившееся мне откровение и больше не отпускать его. Увы... Как можно удержать ветер? Он холодит мне пальцы своим зимним дыханием и, просочившись сквозь них, вырывается на свободу.

А я... я снова пишу также, как и раньше.

...иногда... когда... спотыкаюсь о кочки слов.

...солнце в моем зрачке... ежусь от надуманной нелепой фразы.

..ошибку... явившееся... не отпускать... не могу доползти до конца предложения.

И жду... С надеждой жду, когда снова подует северный ветер и принесет мне мимолетную радость Откровения.]

– ...откровения, – дописал Анатолий и вздрогнул от неожиданного стука в дверь.

– Войдите! – громко произнес он и откинулся в кресле.

Дверь осторожно приоткрылась и в комнату вошла невысокая рыжеволосая девушка, с любопытством осматриваясь по сторонам: молодой мужчина, настороженно смотрящий

на нее из-за монитора, перед ним пухлый ежедневник с множеством аккуратных закладок, большая записная книжка и несколько авторучек. А за спиной мужчины – подробная карта города, исчерченная разноцветными линиями с большим жирным заголовком: «План доставки газеты на 2 квартал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.